

Джордж Райт

Голос

Вообще-то я люблю плохую погоду. Люблю холодрыгу, и пронизывающий ветер, и снег, густо валяющий из низких туч, клубящихся прямо по склонам так, что не видно не то что горных вершин, а и ближайших деревьев. И вовсе не потому, что у меня какие-нибудь особо оригинально-извращенные вкусы. Просто в такую погоду, как правило, ничего не случается. Даже самые безбашенные туристы в такую пору не решаются соваться в горы и сидят по своим пансионатам и кемпингам, которая время горячим пуншем, картами, бильярдом, где таковой имеется, ну и, само собой - это уже ближе к ночи - всевозможными байками, призванными напугать их юных подружек. Про лавины, про медведей-людоедов, про снежного человека, про Черного Альпиниста и все такое прочее. Ну, это набор классический, интернациональный, а те, кто в наших краях не впервые, пугает девиц легендами с местным колоритом. Например, про Одноглазого Лесоруба, который сто лет назад зарубил своим топором жену и детей и с тех пор бродит по ночам, оставляет зарубки на деревьях - ну а если встретит одинокого путника, то понятно, что с тем будет. Или про троих туристов, которых накрыло в палатке снежной лавиной - а когда их через неделю таки откопали, выяснилось, что один из них убил и съел своих товарищей; правда, его это все равно не спасло - так и замерз с куском чужого мяса во рту. Или про взвод спецназа СС, заброшенный сюда уже в самом конце войны, да так и сгинувший неизвестно куда. Якобы они не получили приказа о капитуляции и по своей воле в долину тоже не спустились. И до сих пор в безлунные, ненастные зимние ночи порою можно услышать по радиации сквозь помехи, как они пытаются связаться с Берлином и просят дальнейших указаний...

Девицы, ясное дело, вежливо хлопают большими наивными глазами и делают вид, что им очень страшно. Точь-в-точь как моя Марта двадцать лет назад, когда я специально для нее придумал эту байку про эсэсовцев. Теперь-то я сколько угодно могу в этом признаваться - все равно никто не поверит. Все будут твердить, что эта легенда с самой войны идет. Люди есть люди - готовы поверить во что угодно, кроме правды.

Ну ладно, это я отвлекся, а начал-то я с плохой погоды, которая для нас на самом деле хорошая - при том важном условии, конечно же, что она наступает не внезапно. Если внезапно - а в горах и такое бывает запросто - то все наоборот, разумеется: аврал и жди любых неприятностей. Но в тот день никаких авралов не предвиделось - метеосводки одна хуже другой передавались за несколько дней до ненастья, тучи напоззли постепенно, дав достаточно времени даже самым туго соображающим, и можно было надеяться, что в горах над нами и впрямь нет никого, кроме медведей, да и те спят, по зимнему времени. У нас тут, надо сказать, и в самые солнечные дни не особо людно. Вот дальше к северу - там да, горнолыжные курорты, шикарные трассы, от туристов не продохнуть. А у нас склоны сплошь заросшие лесом, бурелом, крутые обрывы, камни здоровенные торчат - на лыжах кататься негде, да и пешком удовольствие, прямо скажем, не для всех. В то же время и горы не настолько высокие, чтобы совсем уж серьезных альпинистов привлекать. Поэтому и спасательная станция у нас тут маленькая, штатная смена - четыре человека, включая радиста, который, если что, остается на месте, держит связь и обеспечивает координацию. В случае чего, конечно, можно и помощь от соседей запросить, но на моей памяти такое случалось крайне редко.

В общем, как говорится, ничто не предвещало. Метель мела, с небольшими перерывами, уже четвертый день, никаких не вернувшихся групп в нашем районе не значилось (хотя всегда находятся недоумки, что лезут в горы, никого не поставив в известность - но, как я уже сказал, не в такую погоду), и мы с Конрадом мирно играли в шахматы. Причем я выигрывал. Сначала отыграл у Конрада качество, а потом поставил его в весьма неловкое положение на ферзевом фланге. И вот, значит, сидит он, подперев кулаками обе щеки, изучает с мрачным видом свою

прискорбную позицию, а я гляжу на него с довольной улыбочкой, потому что, по правде говоря, чаще в наших поединках бывает все же наоборот. И вдруг он голову от доски поднимает и словно бы прислушивается:

- Слышал, Макс?

- Что?

- По-моему, кричал кто-то.

Я прислушался, но ничего, кроме свиста вьюги, не различил.

- Ты не увиливай, - заявил я, - ты лучше прямо скажи, сейчас будешь сдаваться или чуть погодя.

- Нет, я серьезно, - качнул головой он. - Вот, вот, опять!

На этот раз и я разобрал сквозь шум ветра что-то вроде тоненького голоса: "...гите!"

Мы вскочили, похватали с вешалок куртки и выбежали на улицу.

Действительно, вниз по склону, совсем уже близко от нас, ковыляла, проваливаясь в снег между деревьями, одинокая нескладная фигурка. Мы помахали ей руками, показывая, что заметили, и устремились навстречу - настолько быстро, насколько позволял снег.

Это оказалась совсем еще девчонка - лет восемнадцать, не больше, и явно пережившая не лучшее приключение в своей биографии. Ярко-желтая куртка расстегнута, несмотря на мороз, и лишь перехвачена альпинистской веревкой в талии, с левого колена свисает окровавленный клоч (в первый момент показалось, что кожи, но - всего лишь продранных штанов), шапки нет, густая шевелюра вся в снегу, на лице вроде тоже кровь, идет-шатается, кажется, вот-вот упадет... Мы подхватили ее под руки с двух сторон и практически донесли до домика спасательной станции. "Док!" - крикнул я, распахивая дверь. Наш доктор был уже наготове и мигом взял инициативу в свои руки.

- Так, кладите ее сюда, осторожно... Конрад, поставь пока чайник. Все хорошо, все уже позади... Как вас зовут? Переломы, ушибы есть? Вы чувствуете пальцы рук и ног? Макс, помоги снять с нее ботинки... Вы можете говорить?

- Алекс... - наконец выдавила она, всхлипывая и стуча зубами.

- Все в порядке, Алекс, сейчас вы согреетесь. Можете описать, какие травмы вы получили? И что вообще произошло?

- Нет, не в порядке, Алекс там... он упал... его надо спасти...

- Кого спасти?

- Алекса... мой друг...

- А вы тогда кто?

- Я - Лиз...

В общем, через несколько минут, когда она более-менее отогрелась и обрела способность связно изъясняться, картина выяснилась следующая. Этот самый Алекс подбил ее совершить восхождение вдвоем и, конечно же, в известность об этой романтической прогулке они никого не поставили. Собрались они, когда погода была еще хорошей, а портиться она начала, когда они были на пути к вершине. Время, чтобы спокойно вернуться, у них было, но Алекс, видите ли, не привык отступать. Ну ясное дело - кровь играет, хвост перед девчонкой распушить надо, и вся кровь от мозгов туда, в хвост, уходит. Короче, он предложил переждать вьюгу в палатке и продолжить восхождение. Он-де был уверен, что больше одного дня ненастье не продлится, метеоролог хренов. А когда оказалось, что оно длится и день, и другой, и третий, и припасы кончаются, и согреться в палатке уже никакой возможности, и снега вокруг уже столько, что какие там вершины - назад бы выбраться, в лавину не угодив... в общем, они поняли, что если упорствовать и дальше, то тут их и похоронит. И, несмотря уже на погоду, начали спускаться практически вслепую. И, надо сказать, судьба их хранила довольно долго, но в конце концов они все-таки сорвались и поехали по рыхлому снегу напрямик в пропасть. На камнях на краю Лиз удалось зацепиться, но было, конечно, ясно, что сил вытащить Алекса у нее не хватит, да и

сама она так долго не продержится. Так что благородный герой достал нож и перерезал связывавшую их веревку. (Надобно сказать, я такие истории слышал не раз - и про то, что веревку обрезал тот, кто внизу, и про "о камень перетерлась". А потом, когда трупы вытаскиваем, оказывается, что разрезана ножом, и на таком расстоянии, куда покойник не дотянулся бы при всем желании. Но тому, кто сверху, я в такой ситуации не судья. Или погибнут все - или хотя бы сам спасешься. Врать вот только не надо и все на погибшего перекладывать. Но Лиз не врала, это точно. Веревку-то, снятую с ее пояса, я осмотрел - длинный там хвост остался, самой бы ей так не достать.)

Короче, Алекс грохнулся в пропасть, а Лиз таки удалось спуститься. Отделалась она в итоге парой ссадин, дыркой на коленке, разорвавшейся на куртке молнией (вот ведь тоже дурь - такие куртки на восхождение надевать, молния, она в любой момент подвести может), ну и, соответственно, несколько поверхностных обморожений плюс общее переохлаждение организма. Но - ничего серьезного. Горячим чаем отпоили, док ей туда еще какую-то ядреную смесь для профилактики сыпанул, ссадины обработал - жить будет, и даже без госпитализации. Хотя для порядку в больницу ей все же надо.

Но она про больницу и слышать не хотела. Все твердила, что хватит уже возиться с ней, и надо скорее идти спасать Алекса.

- Девочка, - говорю, - ты меня, конечно, извини, но Алексу твоему уже ничто не поможет. Ты же сама говоришь, он в пропасть упал, причем еще вчера. Даже если он каким-то чудом выжил при падении, спустя сутки на таком морозе...

- Нет, он жив!

- Откуда ты можешь это знать?

- Я с ним связаться пыталась... только рация сдохла... наверное, аккумулятор сел... - и в подтверждение своих слов (которые, впрочем, ровно ничего не доказывали) она прошлепала в новых шерстяных носках, которыми мы ее снабдили, к своей уже водруженной на вешалку куртке и вытащила из внутреннего кармана портативную рацию. Вполне неплохую туристическую модель (мобильники в наших горах не ловятся - хорошо, что эта парочка хотя бы это учла).

Николаас, наш радист, тут же завладел прибором и сказал, что сейчас поменяет аккумулятор. Конечно, никто из нас не верил, что из попытки связаться с Алексом что-то выйдет, но надо же было дать этой дурочке убедиться, что ее надежды беспочвенны. Хотя теоретически, если парень упал в какой-нибудь каменный карман, сигнал оттуда может и не проходить... опять же, аккумулятор мог сесть и у него, а еще вероятнее - рация разбилась при падении, так что формально отсутствие результата еще не докажет, что он мертв... Да ладно, мы тут все не первый год работаем и знаем, когда человек может выжить в горах и когда нет!

Ник щелкнул переключателем, на черном корпусе рации загорелся красный глазок.

- Точно, аккумулятор. Небось, так и держала все время включенным с самого начала восхождения?

- Не помню... наверно...

- Ладно, частота какая? Та, что выставлена?

- Д-да... я ничего не меняла...

Николаас нажал кнопку:

- Алекс! Алекс, это спасательная станция. Как слышишь? Прием.

Отпустил, послушал. И мы тоже все вокруг сгрудились, слушаем. Кто знает - вдруг чудеса все-таки бывают. Но нет, ничего, кроме помех. Что и требовалось доказать. Ник еще пару раз попробовал - бесполезно.

- Увы, Лиз, - покачал головой я.

Но тут она вцепилась в рацию, чуть не силой вырвав ее у Ника, и принялась кричать, вдавливая кнопку так, что палец побелел:

- Алекс! Это Лиз! Ответь! Я добралась до спасателей, мы скоро придем за тобой! Алекс, миленький, отзовись! Я знаю, что ты жив!

Тишина. Лишь потрескивание электростатики.

- Ладно, Лиз, - говорю, - одевайся, сейчас тебя Конрад в госпиталь отвезет. Каталась на вездеходе когда-нибудь?

А она стоит, вцепившись в рацию, и ни с места. Я доктору мигнул, он и сам уже понял, отошел набрать в шприц что-то успокоительное. И вдруг...

"...Лиз?..."

Слабый такой голос, хрип скорее, еле сквозь помехи различимый. И все же не оставляющий сомнений.

Лиз чуть не подпрыгнула и сразу же что-то ему в ответ затараторила на тему "я знала - я им говорила - милый - дорогой", но тут я решительно потребовал у нее рацию.

- Алекс, говорит Макс Эшер, командир поисково-спасательной группы. Лиз у нас, с ней все в порядке, теперь мы займемся вами. Но это займет некоторое время, прежде чем мы сумеем до вас добраться. Для начала опишите максимально точно свою ситуацию. Вы можете двигаться? Знаете, где находитесь?

- Ситуация? - слабо донеслось из динамика. - (хррр)... новости, хорошая и плохая. Плохая (хррр) ...бе ноги сломаны, а хоро...(хррр) ...всем не чувствую боли.

Мы с доком переглянулись. Да, везунчиком парня считать рано - похоже, там не только ноги, но и позвоночник. И он сам это наверняка понимает, несмотря на попытки иронизировать.

-...могу ползти... - продолжал он. - Полз весь день...

- Вам сейчас не стоит активно двигаться, - нахмурился доктор.

- (хррр)...очень холодно...

Да, тут не поспоришь. С одной стороны, человеку с такими травмами лежать бы неподвижно на спине, причем в корсете и гипсе. А с другой, если бы он не полз, то наверняка сам бы уже был, как этот гипс - твердый и мертвый.

Дальше выяснилось, что о своем местоположении он представления не имеет. Где сорвался, еще кое-как представляет, и то не очень четко, а вот куда уполз... Видимость вокруг нулевая - сплошная облачность, он там, можно сказать, в самой гуще снежной тучи. Если бы не это, можно было бы вызвать вертолет и поискать с воздуха. Но в такую погоду это для "вертушки" в горах чистое самоубийство, и к тому же бесполезное.

- Ник, - говорю, - мы можем его запеленговать?

- Сложно, - качает головой радист, - сам понимаешь, для триангуляции сигнал с двух точек поймать надо. А он очень слабый, на самом пределе. Не факт, что наши соседи смогут его уловить. Попробовать стоит, конечно...

Прав оказался Николас. Связались мы с несколькими соседними точками, где подходящая аппаратура есть - никто рацию Алекса засечь не смог, даже военные на базе, а у них там техника не чета нашей. А короткий зимний день меж тем уже кончается, через час в горах полная темень будет - и ясно, что лезть туда на ночь глядя нечего и пытаться.

- Ладно, - говорю, - Алекс, слушай внимательно! Мы тебя обязательно вытащим, но раньше утра нам до тебя не добраться (на самом деле - хорошо, если к завтрашнему вечеру, но это ему пока знать не обязательно). Так что у тебя сейчас главная задача - ночью не замерзнуть. Постарайся закопаться в снег. Знаешь, как ездовые собаки под снегом ночуют?

- (хррр)...пещера...

- В пещере можно укрыться от ветра, но если нечем разжечь костер - учти, на голых камнях холоднее, чем под снегом! Кроме того, в пещере у нас не будет с тобой связи. Так что, если спрячешься там - иногда вылезай, чтобы дать о себе знать. Ты все понял?

- Лиз... Дайте Лиз...(хррр)...слышать ее голос.

Я протянул рацию девушке, и она опять затараторила всякие глупости. В конце концов я

потерял терпение:

- Алекс, тебе нужно беречь аккумулятор. Не держи рацию все время включенной. Пока отбой.

Затем мы уселись над картой, пытаюсь максимально сузить район поиска. Лиз, естественно, тоже была привлечена к этому делу, хотя толку от нее было меньше, чем хотелось бы - сперва она во всем полагалась на Алекса, а после его падения спускалась в состоянии, близком к прострации, и внятно объяснить свой маршрут была не в состоянии. Правда, уверяла, что если увидит те места своими глазами, то вспомнит. Но, в общем, по тем скудным сведениям, что мы почерпнули от нее и ее друга, я примерно понял, где он может быть. Район не самый приятный, хотя бывает хуже. Подъем туда не то чтобы сильно сложный, но долгий. И, главное, склон сильно изрезанный, камней и щелей всяких полно, а сейчас еще снегу навалило - можно пройти от человека в двух шагах и не заметить. Если он, конечно, сам признаков жизни не подаст. Хорошо, что связь есть. Как из этой каменной чертоломины вообще сигнал проходит... не удивительно, что мы его еле слышим.

- Ник, что там у нас на завтра по метео?

- Сейчас посмотрю свежую сводку... В общем, с утра вся та же дрянь, к вечеру утихнет, ночью развиднеется. Послезавтра весь день ясно и штиль, но похолодает еще градусов на десять.

- Да уж... Ну ладно, завтра перед рассветом выступаем.

Лиз поначалу чуть истерику не устроила, когда поняла, что ночью никто ничего делать не будет, но потом все же вняла голосу разума. Но о том, чтобы ей ехать в больницу, и слышать не хотела. Категорически заявила, что пойдет утром с нами. Я, конечно, от этой идеи не в восторге был. От помощи опытного альпиниста я бы не отказался, но какой опыт у нее, мы все уже поняли. Нет, ну минимальный все-таки был, и спуститься в одиночку она сумела - но в любом случае, как выразился бы любящий наукообразные формулировки Конрад, ее естественней было бы рассматривать как объект, а не как субъект помощи. С другой стороны, если она действительно вспомнит свой маршрут и приведет нас к месту падения, это здорово облегчит наши поиски. А такое и впрямь бывает сплошь и рядом - сознательно что-то вспомнить и объяснить человек не в состоянии, а начинает делать - и все получается как бы само собой. С третьей стороны, еще неизвестно, как на ней отзовется недавнее приключение. Что если завтра днем, несмотря на всю профилактику доктора, у нее поднимется жар? В конце концов я сказал, что окончательное решение примем утром.

Заночевали, естественно, в нашем спасательном домике, чтобы с утра не терять время. Лиз выделили койку в нашем упрощенном подобии полевого лазарета (обычно, конечно, больных и раненых на станции не держат, а сразу или везут в госпиталь на вездеходе, или вызывают санитарный вертолет, но иногда бывает, что неотложную помощь приходится оказывать и в нашем домике). Она улеглась со своей рацией, заявив, что ночью будет проверять, как там Алекс. Это было, в общем, разумно - периодически дергать Алекса, чтобы он не замерз во сне - хотя я не был уверен, что с ним будет связь, особенно если он и впрямь забрался в какую-то пещеру. Сам я, впрочем, заснул сразу и спал крепко, зная, что день завтра предстоит не из легких, а в случае новостей меня разбудят.

Разбудил меня, впрочем, будильник в назначенное время. Мы быстро, но плотно позавтракали; Лиз сообщила, что ночью действительно несколько раз говорила с Алексом - впрочем, никто, кроме нее, этого не слышал, и я грешным делом подумал, что эти разговоры могли ей и присниться.

Тут же, впрочем, мой скептицизм был посрамлен, когда в радиии, с которой девушка не расставалась даже на завтраке, вновь зашуршало и захрипело. Ничего принципиально нового Алекс не сообщил - только что ему очень холодно и что он надеется, что она доберется до него скоро. Похоже, парню и в самом деле было совсем плохо - настолько, что он уже не пытался

иронизировать и бодриться перед своей девушкой. Но, честно говоря, меня немного задело, что он сказал "ты будешь здесь", напрочь игнорируя нас; как-никак, тащить его вниз на себе придется отнюдь не ей.

Мы поспешно встали из-за стола, дожевывая на ходу; Лиз, конечно же, поднялась вместе со всеми. Я в последний раз спросил, уверена ли она, что ей не лучше остаться на станции с Ником.

- Вы же слышали, он ждет меня! - гневно сверкнула глазами она. - И потом, я должна держать с ним связь! Ему важно слышать мой голос!

Доктор кивнул на ее слова; впрочем, я и без него знал, что для человека в критическом состоянии голос кого-то из близких порою и впрямь оказывается единственной ниточкой, позволяющей удержаться в мире живых.

- Ты можешь говорить с ним и отсюда, - тем не менее, заметил я. - Наша радиостанция мощнее портативной. К тому же, пока мы там будем блуждать среди скал, связь может и пропадать - а уж отсюда она будет точно. Кстати, Ник, ну-ка попробуй.

- Нет, я пойду, - упрямо тряхнула волосами Лиз. - Я нужна ему там!

- Последнее слово за медициной, - решил я. - Если доктор разрешит...

Док, уже успевший с утра наскоро осмотреть Лиз, сказал, что он бы, конечно, посоветовал ей провести еще как минимум день в тепле и покое, но серьезных противопоказаний для ее участия в экспедиции не видит. И Алексу действительно будет легче, если она будет рядом, когда мы потащим его обратно.

Мы быстро оделись (для Лиз тоже нашлась запасная одежда взамен пострадавшей, пусть куртка и была ей велика и с застежкой на мужскую сторону); все необходимое снаряжение было готово еще накануне. Когда мы уже собирались выходить, из своего закутка вышел с озабоченным видом Николас и сообщил, что Алекс не откликается на его вызовы. Лиз тут же принялась вызывать его по своей рации. "...здесь...жду...", слабо прохрипело сквозь помехи.

- Ну что, Ник? - крикнул я (он сидел в наушниках спиной к нам).

- Ничего, - откликнулся радист, оборачиваясь. - Не слышу в эфире ни его, ни Лиз.

- Вот видите, а вы еще предлагали мне остаться и говорить отсюда! - воскликнула девушка.

- Погоди, - отмахнулся я. - Как такое может быть, Ник? Уж ее-то в любом случае...

- Ну, видимо, реальная частота их раций отличается от номинальной, - пожал плечами он.

- Попробую поискать по диапазону. Во всяком случае, с нашим радио точно все в порядке.

- Ладно, - я взял рацию у Лиз. - Алекс, слышишь меня? Это Макс Эшер. Мы будем выходить с тобой на связь в первые пять минут каждого часа. У тебя есть часы? Они исправны?

В ответ что-то прохрипело, насколько я понял, утвердительно.

- В остальное время экономь аккумулятор. Ну, конечно, если не потребуется сообщить что-то срочное. И, главное, держись! Лиз идет с нами, и скоро вы с ней увидите. Ты все понял?

- (хррр)...нял (хррр) ...Лиз... (хррр)

Девушка требовательно протянула руку. Я отдал ей переговорное устройство. Ладно, пусть будет у нее... Ник тем временем отрицательно покачал головой - пока что определить частоту и засечь сигнал ему не удалось.

Мы вчетвером вышли в холодную снежную тьму - до рассвета оставалось еще полчаса - и зашагали, проваливаясь по колено, к вездеходу. Первую, самую легкую часть пути предстояло проделать на нем; конечно, влезть прямо вверх по склону он не мог, но зигзагообразным курсом мы могли отвоевать у горы метров двести высоты. А вот дальше...

Конрад уселся за руль (водить, понятное дело, можем мы все, но вездеход - любимая игрушка Конрада), а я сразу же проверил связь с Ником из кабины. На этот раз обошлось без сюрпризов - связь была отличной.

Взревел мотор, и наша могучая машина, взрывая широкими гусеницами снег, тронулась с места. Видимость все еще была почти нулевой - в лучах фар струилась все та же пелена метели, но Конрад уверенно вел машину. Уверенно, но в то же время осторожно. Главная опасность в таких условиях - даже не внезапное препятствие, которое может вынырнуть из мглы прямо по курсу, а все тот же снег под гусеницами, который может не только скрывать какую-нибудь расселину, но и элементарно заскользить вниз по склону вместе с вездеходом. В общем, ползли без спешки, а разворачивались и вовсе с осторожностью разминирующего бомбу сапера. И тем не менее машину неприятно побалтывало, а гусеницы периодически пробуксовывали в рыхлом снегу.

Постепенно рассвело, хотя видимость от этого улучшилась ненамного. Мы вползали по широкой тропе, наклонно извивавшейся вдоль скалистого склона. То есть широкой она выглядит, когда идешь по ней пешком, а тропой - когда не завалена метровым снежным слоем... И, как ни аккуратен был Конрад, а все-таки не уберется. Под правой гусеницей вдруг мягко осел и слетел в пропасть здоровенный шмат снега; вездеход накренился, левая гусеница задралась, потеряв сцепление и лишь взрыхляя и вздымая и без того непрочный снег. Машина беспомощно заскользила боком в сторону пропасти.

Ну то есть не то чтобы это была настоящая пропасть - крутой склон и не более чем, по какому можно и спуститься, и подняться без всякого снаряжения, но это ежели на своих двоих (точнее, на четырех, помогая себе руками), а вот сверзиться по нему в тяжелом вездеходе, даже если не начнет кувыркать - удовольствия мало. Неопытный водитель на месте Конрада тут бы запаниковал, начал газовать, пытаясь вырваться с опасного участка, ну и получил бы эффект прямо противоположный, примерно как при резком торможении на залитом водой асфальте. Но Конрад, наоборот, газ прибрал, давая машине осесть под собственным весом и утвердиться траками в примятом снегу. Только чувствую - все равно сползаем вбок и назад, уж больно большой пласт опоры потерял. Я, признаться, в этот миг даже больше того, что мы свалимся, боялся, что Лиз сейчас начнет вопить и метаться. Но она - нет, ничего. Наверное, просто не поняла, как все серьезно, подумала, что у нас все под контролем. Конрад подрабатывал то левой, то правой гусеницей, сумел слегка развернуть корму в сторону пропасти, но скольжение продолжалось. Нас вынесло уже на край, вот-вот опрокинемся. Тогда Конрад все же газанул по полной в надежде вышвырнуть снег из-под гусениц и добраться до твердого камня. Маневр был рискованный - нас могло закрутить, но терять было уже фактически нечего. Вездеход действительно еще повернуло влево, а затем под гусеницами заскрежетало. Но увы - то ли камни слишком обледенели, то ли мы оказались на осыпи, но машина продолжала соскальзывать под углом в пропасть. Конрад вновь убрал газ; я уже открыл рот, чтобы скомандовать выпрыгивать через левую дверь - хотя не факт, что мы бы успели это сделать, это рассказывать долго, а происходило все очень быстро - но тут сзади раздался еще более резкий скрежет, вездеход трянуло, повернуло уже вправо, и он замер на краю, косо свесив в пустоту добрую треть своего корпуса.

- Так, - резюмировал Конрад, - спокойно и плавно, без паники, выходим через левую дверь. Вместе с рюкзаками.

Честно говоря, слова "без паники" - не самые удачные, когда имеешь дело с непрофессионалами. Потому что после них она-то как раз и начинается. И, разумеется, обернувшись, я увидел расширенные глаза Лиз.

- Все уже кончилось, - сказал я ей как можно мягче, - вылезай (она как раз сидела на заднем сиденье слева), док за тобой.

Когда они выбрались, Конрад сдвинул свое кресло назад и максимально вжался в него: - Давай, Макс, перелезай через меня.

- А ты? - я, впрочем, уже знал ответ.

- Я малышку не брошу.

Малышка - это, сами понимаете, вездеход.

Выбравшись наружу, я увидел то, что и ожидал увидеть: нас спас скрытый под снегом камень, в который мы уперлись на самом краю - при этом все же своротив его с места, так что ни его положение, ни положение вездехода устойчивым не выглядело.

По моей команде мы трое схватили лопаты и принялись выкапывать снег и долбить лед перед гусеницами, обеспечивая этикие "рельсы", по которым вездеход мог спокойно отползти от края. В кино в такой ситуации непременно показали бы, как камень вместе с машиной отползает все дальше, и отъехать от пропасти удастся лишь в самую последнюю секунду. Но нет, при всей видимой неустойчивости вездеход стоял на месте, урча двигателем - хотя мы, конечно, все равно работали изо всех сил, так что взмокли, несмотря на мороз. Наконец я подал знак Конраду, мотор взревел уже не на холостых оборотах, и вездеход выбрался на безопасную расчищенную площадку.

- Короче, ясно, - подвел итог я, когда Конрад заглушил двигатель. - "Малышку" придется оставить здесь. Надеюсь, что мы сможем проехать подальше, но придется отсюда пешком... Лиз, узнаешь эти места?

- Н-нет...

- Правильно - мы сейчас южнее. Но где-нибудь через часик должны пересечься с твоим маршрутом... хотя по такому снегу - скорее через полтора-два... Кстати, - я посмотрел на часы, - ну точно, сеанс связи пропустили.

Лиз тут же вытащила свою рацию и принялась вызывать Алекса - но на сей раз безрезультатно. И хотя я несколько раз повторил ей, что сам велел ему отключать рацию в неурочное время для экономии заряда, мои слова, похоже, не очень ее убедили. Да и, по правде говоря, оснований для беспокойства было более чем достаточно. Уже то, что парень пережил сперва падение, а потом, с такими травмами - две ночи и один день на морозе, можно было считать чудом. Которое могло в любой момент закончиться. Но и говорить с ним все время означало вскоре потерять связь вообще. У нас-то с собой были дополнительные заряженные аккумуляторы, а вот у него...

Итак, мы двинулись вперед и вверх практически по пояс в снегу - а точнее, мы брели в нем целиком, только снизу он лежал, а сверху продолжал сыпаться из совсем уже близких туч. Я очень надеялся, что метеопрогноз все же сбудется в указанный срок - а не с опозданием на день, как это часто бывает - и к вечеру небо очистится, а значит, мы сможем вызвать вертолет. Если не для поисков, то для эвакуации Алекса - в каком бы состоянии он к тому времени ни находился.

Наконец замеченная тропка, прилепившаяся к голой каменной стене, закончилась; дальше никакой дороги не было, только склон, сплошь заросший соснами и елками, но при этом более пологий. И снега в лесу тоже намело меньше, хотя, конечно, все равно изрядно. К тому же деревья хоть как-то прикрывали от ветра, что после перехода по открытому участку мы не могли не оценить.

На сей раз Лиз внимательнее всех нас следила за временем и сообщила о наступлении нового часа чуть ли в не в первую его секунду. Алекс, однако, на вызов вновь не откликнулся. Напрасно Лиз полторы минуты кричала в черную решетку микрофона, пока не закашлялась на морозе.

- Возможно, у него просто отстают часы, - успокаивающе заметил доктор.

- Или вообще встали, - добавил Конрад.

- Или просто мы забрели в такое место, куда его сигнал не проходит, - довершил набор оптимистических версий я. - Я ведь предупредил, что такое наверняка будет, раз он так плохо ловится...

Но в глубине души, конечно, каждый из нас подумал то же самое, что и Лиз.

И вдруг из рации в бессильно опущенной руке девушки донеслось: "Лиз, где ты, Лиз..."

- Алекс!!!

-(хррр) не мог связаться... (хррр)

- Я знаю! - кричала она, рискуя вновь сорваться в кашель. - Прости, милый! У нас тут была... почти авария... но теперь все в порядке, мы идем к тебе!

Чем мы и занимались - хотя, конечно, это было проще сказать, чем сделать. Карабкаться вверх по глубокому рыхлому снегу, даже и через лес, где можно хвататься за стволы и ветки - занятие небыстрое и утомительное. Несколько раз с потревоженных деревьев срывались снежные шапки объемом с хорошее ведро и падали вниз прямо на нас. Мы двигались не по прямой, а зигзагами - с одной стороны, облегчая подъем, с другой - в надежде выйти на какие-нибудь ориентиры, которые Лиз бы узнала. Но увы - она лишь растерянно повторяла, что да, помнит, как спускалась через такой же лес, но он "такой же" на много миль и влево, и вправо. В какой-то миг момент она обрадовалась, указывая на поваленную сосну, переломившуюся метрах в трех от земли - "вот, ее я помню!" - но радость длилась лишь до того момента, пока мы ни прошли мимо еще одной такой же сосны. Надежды просто набрести на ее прежние следы после стольких часов снегопада уже не было.

Лиз, надо отдать ей должное, изо всех сил старалась не быть тормозом для всей команды и демонстрировать, что выносливости у нее не меньше, чем у нас. Все же, когда в полдень я скомандовал большой привал, она буквально рухнула в снег. Мы к этому времени забрались уже под самое брюхо туч, но выше лезть не имело смысла - что-либо отыскать в этом мареве было невозможно. Подниматься туда стоило, лишь удостоверившись, что Алекс где-то совсем рядом. Даже наши сигнальные ракеты (на которые я возлагал немалые надежды) он смог бы увидеть сквозь это марево лишь с близкого расстояния. Одну для пробы все же пустили, но безрезультатно.

Связь с ним, впрочем, была. Лучше ее качество не стало, но и совсем она, вопреки опасениям, не пропадала. Как я понял, он все же нашел укрытие в какой-то пещере, но ничего, чтобы развести огонь, поблизости не было, и съестных припасов у него тоже не осталось. Что еще хуже, он сказал, что не чувствует пальцев. Доктор, конечно, объяснил ему, как их растереть и вообще бороться с обморожением, но я не уверен, что при таком качестве связи Алекс все понял. Хотя, с другой стороны, он все же имел кое-какой альпинистский опыт и должен был знать такие вещи сам... Во всяком случае, не дослушав доктора, он стал просить, чтоб ему снова дали Лиз. Вероятно, он и ее слова разбирал с пятого на десятое, но, видимо, ему хотелось просто слышать ее голос.

С Николасом связь была хорошей, однако поймать волну Алекса он по-прежнему не мог. Но, по крайней мере, он передал последнюю метеосводку, подтверждавшую более ранний прогноз. Действительно, вскоре мы уже и сами убедились, что снегопад заканчивается и ветер стихает. Тем не менее, густая серая облачность по-прежнему висела прямо у нас над головами, застилая уходящий вверх склон. Верхний ее край, как мы знали из метеосводки, был, напротив, слишком высоко, так что нам оставалось лишь рыскать внизу в надежде, что Лиз все-таки вспомнит какую-нибудь особую приметку.

Увы, надежда эта не оправдывалась. Несколько раз она радостно устремлялась к какому-нибудь вывороченному корнями наружу дереву или торчащему из снега валуну, и мы начинали подъем в облака, но или упирались в явно непроходимый участок, или Лиз сама останавливалась и сокрушенно качала головой: нет, не тут... Час проходил за часом, а мы все блуждали под облаками. Я уже жалел, что мы связались с вездеходом; может быть, если бы мы поднимались пешком с самого начала, с того места, где Лиз вышла к нашему домику, ноги и понесли бы ее по правильному маршруту. Хотя, с другой стороны, в горах, да и в лесу, сплошь и рядом бывает, что человек, пытающийся вернуться тем же путем, каким пришел, в результате забредает куда-то совершенно не туда.

Короткий зимний день уже клонился к закату. Я вывел нашу группу из леса на открытый

участок.

- Привал, - командовал я. - Ставим палатки.

- Так ведь скоро стемнеет! - в отчаянии воскликнула Лиз. - Вы же сами говорили - в темноте искать бесполезно!

- В такую погоду, как вчера - да. Но сегодня к ночи тучи должны разойтись. И тогда он сможет увидеть наши ракеты или наши фонари. И сказать нам направление. А пока ужинаем и отдыхаем.

- Макс, - тихо сказал Конрад, пока я растапливал снег в котелке (способ, конечно, дедовский, но все лучше, чем тащить на себе дополнительные килограммы воды в бутылках), - ты в самом деле намерен лезть в эти скалы ночью?

- До утра он просто не дотянет, - ответил я так же тихо. - Под утро похолодает до минус тридцати даже внизу, а на такой высоте... сам понимаешь. Даже если он укрывается в пещере... сам знаешь, глубоких у нас тут нет, так, щели в камне - от ветра еще можно спрятаться, но не от мороза. Притом, что парень весь переломанный и два дня ничего не ел, кроме снега. Главное, чтобы он заметил наши световые сигналы и сумел оценить направление.

Алекса мы, конечно, посвятили в свой план, бодро сообщив, что ждать ему осталось уже немного; правда, уже произнеся эту фразу, я сообразил, что звучит она двусмысленно. Да и то, как он ответил, мне не понравилось. Даже не слова, которые было трудно разобрать, а интонация. Похоже, парню было совсем плохо, и не только физически. Его слабый голос звучал обреченно, без всякой надежды. Наверное, он и сам понимал, что ночи не переживет, и тот факт, что мы не нашли его до темноты, воспринимал как приговор. Я вновь сунул рацию Лиз в надежде, что ее призывам продержаться еще немного он поверит больше, чем моим.

Стемнело. Облачная муть, заволокшая горы, действительно постепенно развеивалась, временами осыпаясь последним мелким снежком, но слишком медленно. Зато холодало быстро. Жутко было даже представить себе, каково в такую пору лежать где-то там, во тьме, с переломанной спиной, из последних сил сжимая обмороженными пальцами рацию с садящимся аккумулятором - ту самую последнюю соломинку, которая еще позволяет цепляться за жизнь...

Наконец небо полностью очистилось, и мы смогли различить уходящий вверх склон над нами. В темноте безлунной ночи покрывавший его снег казался синевато-серым; во многих местах он был испещрен более темными пятнами теней, голых скал и трещин. И где-то там, в этом хаосе...

Время очередного сеанса связи еще не пришло (хотя, не зная заранее, когда мы сможем возобновить поиски - да и желая дать Алексу хоть какое-то занятие - я велел ему слушать эфир каждые двадцать минут), но я все же выпустил три ракеты с интервалом в пару минут - одну вертикально вверх, одну чуть влево и одну вправо - в надежде, что он их заметит и свяжется с нами. По идее, их свет должен был проникнуть даже в неглубокую пещеру. Но увы - рация Лиз, по-прежнему остававшаяся нашим единственным способом связи с Алексом, молчала.

Признаться, у меня было опасение, что это молчание уже навсегда. Но, когда настало очередное оговоренное время, парень все же откликнулся. Его голос звучал совсем слабо (хотя, возможно, дело было в иссякающем аккумуляторе). наших ракет он не видел. Я велел ему выбраться на максимально открытое место (хотя, раз он говорил по радио, значит, уже был не в пещере) и смотреть в оба (хотя, честно говоря, для того, чтобы ясной безлунной ночью вдаль от городских огней увидеть сигнальную ракету, смотреть в оба не требуется - ее свет сложно не заметить, даже если стоять к ней спиной). Затем Конрад трижды шмальнул из ракетницы вверх. После каждого выстрела мы спрашивали Алекса, видел ли он сигнал. Увы, все, что удалось разобрать в ответ - это слова "не" и "темно". Ну и, конечно, попытки сигналить фонарями успеха тем более не имели.

- Не представляю, как это можно не видеть, - пробормотал я. - Ведь не на противоположном же склоне горы он находится!

Лиз испуганно подтвердила, что склон, конечно, этот.

- А может, у него просто что-то с глазами? - предположил Конрад.

- Вообще, такое не исключено, - кивнул док. - До сих пор мы думали лишь о переломах и обморожениях, но ведь он мог получить и другие повреждения. Никталопия травматического генеза, особенно на фоне общего истощения...

- Вы что же, хотите сказать, что он ослеп?! - воскликнула Лиз. - Он бы сказал, если бы вообще ничего не видел!

- Никталопия - это так называемая куриная слепота, - пояснил доктор. - Расстройство ночного зрения. Он может не отдавать себе отчета в этом, поскольку днем все видит.

- Так или иначе, похоже, у нас не остается другого выхода, кроме как лезть наверх и пытаться отыскать его наугад, - резюмировал я.

- И... есть надежда найти его в темноте? - спросила девушка.

- Надежда есть всегда, - вздохнул я. - Мне доводилось сталкиваться и с куда более удивительным везением.

- Значит, шансов все-таки не очень много, - поняла она.

- Это зависит от того, сумеешь ли ты все-таки вывести нас к месту, куда он упал.

Может, я и зря так сказал - теперь в случае неудачи будет винить себя до конца жизни - но, по крайней мере, пока это ей повод мобилизоваться, а не впадать в уныние.

И мы, закрепив на шапках фонари, полезли в гору. То еще, конечно, удовольствие в такую пору и с учетом наличия в группе недостаточно опытного члена. Мы, правда, не столько карабкались вверх, сколько опять же двигались зигзагами влево-вправо, насколько позволял рельеф. Увы, эти поиски наугад оставались безрезультатными. Мы еще несколько раз из разных мест пытались подать Алексу знак ракетами и фонарями, а также и просто криками (Лиз окончательно сорвала горло), но он нас по-прежнему не видел и не слышал. А потом все стало еще хуже. Он перестал выходить на связь.

Было уже одиннадцать часов вечера. Даже мы, здоровые мужики, успели изрядно вымотаться; как Лиз еще держалась на ногах, вообще не понимаю. Она была в полном отчаянии: может, она и сумела бы узнать местность днем, но ночью все эти скалы, расселины и сугробы казались одинаковыми. Мороз становился все злее; мы то и дело терли лица и освещали их друг другу фонарями, проверяя на признаки обморожения.

- Вероятно, у него все же сел аккумулятор, - произнес Конрад после того, как десять минут вызовов по рации не увенчались ничем.

- Может быть, - согласился я, - или у него уже нет сил выползти из пещеры. Но теперь найти его будет еще труднее.

- Вы ведь не собираетесь повернуть назад?! - агрессивно осведомилась Лиз.

- Нет, конечно, - вздохнул я, - будем искать, пока есть хоть какая-то надежда.

Доктор обменялся со мной взглядами. "Даже если он еще жив, счет идет уже даже не на часы." Ну да, я понимаю - а что делать?

- Ну так идемте, чего мы стоим! - потребовала Лиз и менее уверенно добавила: - Кажется, вот тот каменный карниз похож... По такому я точно спускалась.

Я рассмотрел карниз в бинокль, попросив Конрада подсветить самым мощным из наших фонарей. С того места, где мы находились, напрямую туда не добраться - глубокая расселина, затем почти отвесная стена. Значит, придется спуститься и сделать крюк вокруг нижнего конца расселины, а затем подняться с другой стороны. Если Лиз опять ошиблась, потеряем впустую, как минимум, минут сорок - но что нам еще остается?

Мы осторожно двинулись вниз; я спускался первым, проверяя на каждом шагу не выглядевший надежным снежный покров. Наконец сложный участок был благополучно преодолен, и мы вышли на ровное место. Но по мере того, как мы приближались к точке, где я наметил подъем, Лиз вновь начала сомневаться.

- Вон тот валун... по-моему, его не было. Я бы запомнила...
- Ты могла его просто не заметить в тумане.
- Если бы я там прошла, мне бы пришлось через него перелезть... кажется. Хотя не факт, сейчас я смотрю на него снизу...

- Ладно, - потерял терпение я, - решай сама, поднимаемся здесь или возвращаемся на прежнее место. А мне пока нужно отлить.

Я отстегнул карабин и, повернувшись спиной к остальным, сделал несколько шагов в сторону отвесной стены. И буквально на последнем из них что-то под снегом вдруг дернуло меня за ногу.

Я застыл на месте. Я сразу понял, что это неживое; ощущение было такое, словно я зацепился за вылезший из земли корень, но никакой растительности поблизости не было. Нагнувшись, я стал торопливо отгребать перчатками снег. Очень скоро эта штука была у меня в руке.

Лямка засыпанного снегом рюкзака.

- Все сюда!

В считанные секунды мы раскопали сугроб, но тела там не было. Только рюкзак.

- Кажется, это мой, - сказала Лиз. - Хотя, у нас одинаковые были... Алекс покупал... - она расстегнула один из карманов рюкзака и вытащила оттуда косметичку. - Точно, мой! Я его сбросила, когда мы вниз заскользили! Значит, это здесь! А карниз все-таки не тот, - добавила она, - тот ниже был, там я уже одна спускалась...

- Уже неважно, - нетерпеливо перебил я. - Значит, Алекс упал здесь! - я невольно посмотрел вверх, на нависавшую над нами стену. М-да, с такой высоты - и остаться в живых... видимо, спасло большое количество мягкого снега внизу. Хотя, конечно, спасло весьма относительно... - Осталось понять, куда он уполз.

- Алекс!!! - хрипло закричала Лиз, одновременно в очередной раз нажимая кнопку на своей рации. - Алекс, мы здесь! Отзовись!

Ответом ей было лишь эхо.

- Ладно, - решил я, - Лиз, ты с доком направо, мы с Конрадом налево. Ищем любые следы, а особенно пещеры и прочие места, где можно укрыться... Конрад, - добавил я спустя пару минут после того, как мы разделились, - иди пока вперед, я все-таки должен сделать то, что собирался.

Мочиться на морозе, кстати, то еще удовольствие, даже когда ты здоров. А если ты можешь в лучшем случае ползать на руках...

- Макс! - Конрад окликнул меня, едва я закончил. Я поспешил к нему. Он светил фонарем вглубь расселины.

- Видишь?

В узком месте расселины снегу нападало меньше, чем вокруг - видимо, потому, что каменные стены прикрывали это место от ветра. Так что на снегу еще можно было различить нечто вроде широкой борозды, словно здесь протащили волоком хороший мешок. Потом борозду все равно основательно припорошило, но углубление осталось. Да и вполне логично было попытаться искать укрытия от непогоды именно здесь...

Мы пошли вперед, тщательно обшаривая лучами склоны расселины. Если не знать, вход в небольшую пещерку в таких местах можно проглядеть даже днем, особенно если он полусасыпан снегом...

Мы действительно чуть было не прошли мимо - этот лаз у самой земли идущий человек в норме и не заметил бы. Вот ползущий - другое дело... Но Конрад все же остановился, отгреб ногой снег, потом присел на корточки, светя внутрь. Я тоже нагнулся. На каменном полу в глубине, там, где уже не было снега, луч выхватил бурые пятна, слишком уж похожие на засохшую кровь. Не остекленевшие лужицы, а только пятна, полустертые, очевидно, одеждой

ползущего.

- Алекс? - позвал я в темноту.

Тишина.

Я вытащил свою рацию, надеясь, что стены расселины не заблокируют сигнал: - Док, мы, кажется, нашли.

Лиз, конечно, прибежит вместе с ним, и я не был уверен, что ей стоит видеть то, что она увидит. Впрочем, от правды все равно никуда не денешься... А может быть, еще совсем даже и не поздно! В конце концов, Алекс в последний раз выходил на связь всего полтора часа назад... Может быть, он без сознания, но жив! Хотя, конечно, в такой мороз полтора часа - это далеко не "всего лишь". Но мне и впрямь случалось сталкиваться и с куда менее вероятным везением...

Конрад остался снаружи, чтобы фонарем просигналить доку и Лиз, а я на карачках полез внутрь. Проползти пришлось метра полтора - затем каменный потолок стал подниматься, и я смог встать в полный рост.

Я оказался в небольшом гроте. Поначалу луч уперся глухую каменную стену напротив, затем я посветил направо - там тоже было пусто, потом налево... и тут на меня сверкнули два глаза.

Две мутных льдышки на покрытом изморозью лице. Из ноздрей по верхней губе в раззявленный рот спускались две сосульки; еще одна, словно чудовищный клык, тянулась из угла рта и свисала с подбородка.

Все-таки опоздали.

Мертвец сидел, привалившись спиной к стене пещеры; положение бедер было обычным, но голени лежали под совершенно невозможным для человека углом. Из дыры в окровавленной правой штанине торчал острый обломок кости. Заиндевелые пальцы правой руки - почему-то без перчатки, наверное, чтобы легче было попадать по кнопкам - все еще сжимали рацию...

За моей спиной послышался шорох. Я посторонился, давая дорогу, как я думал, доку - но Лиз оказалась в пещере первой. Сперва она вскрикнула - точнее даже, захлебнулась собственным криком на вдохе - а затем бросилась к мертвецу.

- Нет, Алекс, нет!!!

- Лиз, - я сделал шаг вперед и положил руку ей на плечо, - только не вини себя. Ты сделала все, что могла...

В пещеру, наконец, протиснулся док. Мягко, но решительно он отстранил Лиз и присел рядом с телом. Девушка всхлипывала, но не сопротивлялась - должно быть, первое прикосновение к обледенелому трупу отрезвило ее, и теперь она не пыталась обнимать то, что уже не было ее Алексом, а, напротив, косилась на мертвеца с некоторым испугом. Должно быть, ей никогда еще не доводилось видеть мертвых.

- Лиз, - сказал доктор, - тебе лучше подождать снаружи. Нам надо решить, как его вытащить через этот лаз, а здесь, сама видишь, и так немного места.

Девушка не нашла в себе сил для ответа, только кивнула и двинулась к выходу.

Док внимательно посмотрел ей вслед и, похоже, решив, что истерики не будет, вновь обернулся к трупу. Тронул шею, руку, посветил в открытый рот - и озадаченно хмыкнул.

- Что? - поинтересовался я. - Как я понимаю, разогнуть мы его не сможем?

- Уж это точно... Лиз!

- Да? - девушка, уже почти выбравшаяся наружу, мигом вползла обратно. Возможно, у нее мелькнула безумная надежда, что Алекс может быть все еще жив.

- Я понимаю, что задаю идиотский вопрос, но... ты совершенно уверена, что это Алекс? Здесь темно, а смерть искажает черты...

- Да. Да, конечно, это он. Кто же еще? Я бы все на свете отдала, чтобы это...

- А голос? - допытывался док. - Голос, что мы слышали по радио, точно был его? При таком слабом сигнале...

- Конечно, его! А в чем дело?!

- Дело в том, что этот человек никак не мог умереть час назад. Тело промерзло насквозь, несмотря на теплую одежду. Он мертв уже много часов... возможно, несколько дней.

В этот миг я тоже обратил внимание на кое-что странное и с усилием вытащил рацию из каменно твердых пальцев. Точнее, вытащил верхние две трети. Нижняя часть расколотого корпуса осталась в мертвой руке. Я посветил на обнажившуюся печатную плату и увидел змеящуюся трещину. Да уж, это не севший аккумулятор. Эта рация не могла работать с самого момента падения.

Я уже открыл рот, чтобы высказать это вслух, как вдруг, словно желая опровергнуть меня, в пещере раздался звук, всем нам хорошо знакомый - и совершенно здесь невозможный. Слабый эфирный треск, означающий, что кто-то на твоей волне жмет кнопку передачи.

Я оторопело уставился на обломки в моей руке, но нет, разумеется, звук исходил не от них. Машинально мой взгляд скользнул по наручным часам - 12:01, время очередного сеанса связи... Я выпрямился, резко оборачиваясь. Звук исходил из куртки Лиз. С обалделым видом она вытащила из кармана свою рацию.

"Лиз, где ты, Лиз... Здесь так холодно и темно..."

Я снова крутанулся на месте, уставившись на мертвеца. Тот оставался неподвижен, как мертвецу и положено. Обледенелые оскаленные зубы блестели в открытом навеки рту. Бельма смерзшихся глаз все так же смотрели в пустоту. Оставшийся кусок пластикового корпуса торчал из застывших пальцев.

А голос продолжал звучать. Звучать там, куда не мог пройти ни один радиосигнал. И я готов был поклясться, что ни моя рация, ни рация дока эту передачу не примет. Точно так же, как раньше не могли ее принять рации Ника и наших соседей.

"Лиз, я жду тебя, Лиз... Ты нужна мне... *здесь*."

Не сводя глаз с трупа, она открыла рот и медленным, деревянным движением начала подносить свое переговорное устройство к уху.

Но прежде, чем она успела ответить, я вырвал рацию из ее пальцев, швырнул на каменный пол и раздавил каблуком.